

Копи царя Соломона

Невероятные, полные опасностей путешествия — в одном из самых интересных приключенческих романов!

Сэр Генри Куртис и капитан Джон Гуд просят путешественника Квотермейна помочь им отыскать брата сэра Генри, который отправился в опасную экспедицию и пропал без вести. Квотермейн с радостью соглашается, ведь там, куда они отправятся, находится несметное богатство. После долгого пути, полного опасностей, путешественники попадают в затерянную страну кукуанов, и настоящие приключения только начинаются!

мир приключений и тайн

Генри Райдер Хаггард

Копи царя Соломона

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

мир приключений и тайн

мир приключений и тайн

Для среднего школьного возраста

ХАРЬКОВ **КЛУБ** СЕМЕЙНОГО
2013 **ДОСУГА**

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2013

ISBN 978-966-14-7479-5 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Хаггард Г. Р.

X13 Копи царя Соломона / Генри Райдер Хаггард; предисл. и адаптация А. Климова ; худож. В. Митюхина. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» , 2013. — 240 с. : ил. — (Серия «Мир приключений и тайн», ISBN 978-966-14-3982-4 (Украина)).
ISBN 978-966-14-5766-8 (Украина)

УДК 821.111
ББК 84.4ВЕЛ

Адаптация и предисловие Андрея Климова
Оформление серии Михаила Курдюмова
Дизайнер обложки Наталья Переходенко
Художник Влада Митюхина

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2013
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2013

Зачарованный всадник

«Всадник» — так можно перевести с английского второе имя Генри Райдера Хаггарда (1856—1925), писателя с вполне благополучной, на первый взгляд, судьбой. Он был творцом целых миров, прославленным автором тридцати шести авантюрно-приключенческих романов, которыми зачитывался весь мир, и основоположником жанра фэнтези — наряду с Эдгаром По и Джоном Р. Р. Толкиеном. Южная Африка, куда он попал еще юношей, стала для Хаггарда неисчерпаемым источником тем и сюжетов, пейзажей и необычных человеческих типов, но главное — вселила в его душу мечту о затерянных землях и неведомых расах и народах, которая и стала главным «мотором» его творчества.

Генри Хаггард родился в городке Брадене в английском графстве Норфолк в семье сквайра Уильяма Хаггарда — дворянина и землевладельца. Он был восьмым по счету из его десяти детей. Юноша получил достойное образование, а когда ему исполнилось девятнадцать, влюбился в дочь жившего по соседству сквайра — Лили Джексон и впоследствии пронес эту романтическую любовь через всю жизнь. Однако отец решил, что жениться сыну рановато, и отправил его в Южную Африку, где Хаггард стал чиновником британской колониальной администрации — секретарем Генри Булвера, губернатора провинции Наталь.

Так отцовский здравый смысл разрушил единственную настоящую любовь будущего писателя и одновременно определил его творческую судьбу. Природа Южной Африки буквально заорожила Генри, а тоска по утраченной любви стала одной из ведущих тем его романов, воплотившись в странных и экзотических образах.

Африка подарила юноше упоительное чувство свободы: по роду деятельности ему довелось без конца странствовать по Наталю и Трансваалю, и его душа буквально впитывала безграничные просторы африканского вельда, дикую красоту неприступных гор и суровых каменистых пустынь. Его увлечения мало отличались от забав других английских колониальных чиновников — это были,

преимущественно, охота на крупную дичь и поездки верхом. Однако, в отличие от большинства соотечественников, Хаггард интересовался обычаями и нравами коренных жителей этих мест — зулусов и готтентотов, их историей, преданиями и культурой. Ради этого он даже выучил зулусский язык и стал одним из немногих европейцев того времени, которые владели им в совершенстве.

К 1878 году Генри Хаггард стал управителем и регистратором Верховного суда в Трансваале, а годом позже подал в отставку, уехал в Англию, чтобы жениться на другой девушке, так как его первую возлюбленную уже успели выдать замуж. В конце 1880 года он вернулся в Наталь, намереваясь стать южноафриканским фермером. Однако фермерствовать ему довелось совсем недолго: уже в сентябре 1881 года он окончательно поселился в Англии, а спустя три года сдал экзамен, получил лицензию и стал практикующим адвокатом.

Но адвокатская практика для Хаггарда была лишь источником заработка, потому что больше всего на свете ему хотелось писать. Он испробовал свои силы — поначалу в публицистике, а затем в жанрах исторического, психологического и фантастического рассказа. За рассказами последовали романы, и первый же из них — это были «Копи царя Соломона» (1885) — принес начинающему автору известность и солидные гонорары. Хаггард смог перебраться в свое норфолкское поместье Дитчингем и целиком посвятить себя литературному труду.

Из-под его пера одна за другой выходили книги, отмеченные печатью таланта, неистощимой мощью воображения, масштабностью повествования и поразительным правдоподобием даже в описаниях вымышленных миров и культур. Особенно выделялись тринадцать романов, в которых центральным персонажем стал Аллан Квотермейн, белый охотник и искатель приключений. В них европейский читатель впервые так близко познакомился с затерянными в джунглях Африканского континента загадочными народами, руинами исчезнувших цивилизаций, архаическими культурами, связанными с бессмертием и перевоплощением душ. Именно эта линия творчества Хаггарда сделала его предтечей современного фэнтези.

Удивительно, но, наряду с полными невероятных приключений книгами, в своих статьях, публикуемых в британских журналах,

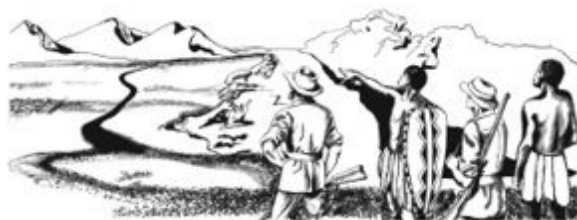
Хаггард воспевал сельскую Англию, размеренный и полный осмысленных забот уклад фермерской жизни, да и сам всерьез занимался сельским хозяйством. С годами он включился в политическую жизнь страны, в 1895 году баллотировался в парламент, а затем на протяжении двух десятилетий был членом и консультантом различных правительственных комиссий по делам британских колоний и сельскому хозяйству. Эти его труды были высоко оценены — в 1912 году Генри Хаггард был возведен в рыцарское достоинство, а в 1919 году награжден орденом Британской империи.

А тем временем на свет одна за другой появлялись книги, вошедшие в золотой фонд мировой приключенческой литературы. Среди них были такие шедевры, как «Она: история приключения» (1887), «Клеопатра» (1889), «Дочь Монтесумы» (1893), «Прекрасная Маргарет» (1907) и «Хозяйка Блосхолма» (1909).

Умер Генри Райдер Хаггард в Лондоне 14 мая 1925 года, но после его кончины увидели свет еще два романа из цикла, посвященного приключениям Аллана Квотермейна, — «Сокровища озера» (1926) и «Аллан и боги льда: история начал» (1927).

Так завершилась судьба этого необычного писателя. Хаггард прожил жизнь словно бы в двух измерениях: «скитаясь» в своих книгах по огромным историческим и географическим пространствам, где грохотали битвы и кипели нешуточные страсти, где обнажалась тайная изнанка обыденной жизни, и тут же вновь превращаясь в солидного владельца небольшой усадьбы, который был образцом английского консерватизма, деловитости и здравого смысла.

Книги Хаггарда по-прежнему дарят истинное наслаждение и уроки мужества юным читателям.

Глава 1

Встреча с сэром Генри Куртисом

Хоть я и дожил до почтенного возраста, но за перо берусь впервые. Не знаю, что из этого выйдет и хватит ли у меня терпения довести задуманное до конца.

Оглядываясь на свою бурно прожитую жизнь, я не устаю удивляться, как много она вместила событий и переживаний. Я слишком рано был предоставлен самому себе, и оттого мне порой кажется, что живу я давным-давно. Мои сверстники еще бегали в школу, а я уже был вынужден трудиться — торговать всякой всячиной в Старой Колонии. С тех пор чем только не приходилось мне заниматься! Я торговал, охотился, воевал, но лишь менее года назад стал богатым человеком. Теперь у меня громадное состояние — я и сам еще не знаю, насколько оно велико. Однако ради этого я ни за что не согласился бы снова пережить то, что мне довелось испытать, даже если б заранее знал, что все закончится благополучно. Вообще-то говоря, запросы у меня довольно скромные, я человек не тщеславный и не терплю никакого насилия. И, говоря откровенно, мне изрядно поднадоели всяческие приключения. Что до писания книг — это дело тоже не по мне; образования у меня почти никакого, изредка почитываю Библию и разные истории...

И все же попытаюсь изложить причины, побудившие меня взяться за эту рукопись.

Во-первых, меня настоятельно просили об этом сэр Генри Куртис и капитан Джон Гуд. Кроме того, я, похоже, теперь надолго обосновался в Дурбане; заниматься мне все равно нечем, так как боли

в левой ноге снова приковали меня к постели. Я мучаюсь ими с тех самых пор, как в нее вцепился тот проклятый лев. Уже зажившие было раны постоянно открываются, причем, как я убедился, ежегодно в одно и то же время. На своем веку я застрелил шестьдесят пять львов, оставшись живым и невредимым, и не досадно ли, что какой-то шестьдесят шестой измочалил мою ногу, как плитку жевательного табака!

Вдобавок у меня есть сын Гарри. Он — будущий врач, а пока работает в лондонской больнице; у парня хватает свободного времени, чтобы повесничать и бить баклуши. А я люблю порядок. И мне бы хотелось, чтобы Гарри познакомился с тем, что я пытаюсь здесь рассказать, — мне кажется, это будет удивительная и вовсе не скучная история. В ней нет ни любовных приключений, ни сентиментальных глупостей, а героями ее станут одни мужчины, за исключением разве что нежной Фулаты и зловещей Гагулы. Так что моему сумасбродному сынку совсем не повредит ее прочитать.

Однако не пора ли мне впрягаться в ярмо? Почва тут зыбкая, и у меня такое ощущение, что фургон моего повествования вот-вот увязнет в трясине по самую ось... И все-таки — с Богом! Берусь за перо!

«...Я, Аллан Квотермейн из Дурбана, джентльмен, приношу присягу и заявляю...»

Нет, пожалуй, показания в суде — не совсем подходящее начало для книги. И вообще, вправе ли я называть себя джентльменом? Вопрос не вполне ясный. Во всяком случае я им родился, хоть и был на протяжении всей своей жизни нищим торговцем и бродячим охотником. Да, мне приходилось убивать, защищая свою жизнь, однако я ни разу не запятнал рук невинной кровью. В мире много жестокости и низости; к сожалению, я сталкивался с этим постоянно. Я никогда не воровал, хотя однажды обманом выманил у некоего кафра целое стадо скота. И несмотря на то, что он тоже подложил мне изрядную свинью, я до сих пор чувствую угрызения совести...

Что ж, начну заново.

«...С тех пор как я впервые встретил сэра Генри Куртиса и капитана Джона Гуда, минуло около восемнадцати месяцев. Произошло это следующим образом. Во время охоты на слонов на Бамангвато дела никак не шли на лад, и в довершение всего меня свалила с ног

жестокая лихорадка. Слегка окрепнув, я добрался до Алмазных россыпей, продал всю слоновую кость, что у меня была, вместе с фургоном и быками, рассчитался с чернокожими охотниками и сел в почтовую карету, направлявшуюся в Кейптаун. Там я прожил неделю в гостинице, где, кстати, меня обсчитали, и осмотрел все городские достопримечательности. Ботанический сад Кирстенбош, по моему мнению, прекрасен и приносит стране немало пользы, а знаменитое здание парламента, которое я тоже повидал, не произвело на меня никакого впечатления.

В Наталь я решил вернуться на пароходе «Данкелд». Судно стояло в доке в ожидании прибытия британского «Эдинбург Кастл». Я оплатил проезд и поднялся на пароход вместе с пассажирами, которые в тот же день прибыли из Англии; мы снялись с якоря и вышли в море.

Уже на борту двое из вновь прибывших сразу привлекли мое внимание. Один был джентльменом лет тридцати — мне, признаться, еще ни разу не приходилось встречать мужчину такого богатырского сложения. Его красивое лицо с правильными чертами, обрамленное густой бородой, и серые, глубоко посаженные глаза излучали спокойствие и добродушие; густые волосы были цвета влажной соломы. Он чем-то напоминал древнего викинга-датчанина: глядя на этого великана, стоявшего у трапа, я представил, что если бы он немного отрастил волосы, надел стальную кольчугу, взял бы боевой топор или пиршественный кубок из турьего рога, то вполне мог бы сойти за героя давних времен. И, между прочим, странная вещь (как все-таки сказывается происхождение!): позже я узнал, что в жилах сэра Генри Куртиса — таково было его имя — действительно течет датская кровь. Вместе с тем этот человек напоминал мне кого-то еще...

Второй джентльмен, увлеченно беседовавший с сэром Генри, был слеплен совсем из другого теста. Я сразу же подумал, что он морской офицер. Не знаю почему, но моряков видно издалека. Мне приходилось с ними охотиться, и должен признать, что они чаще всего оказывались необыкновенно храбрыми и симпатичными людьми. Одно в них плохо: уж очень они любят сквернословить...

Вот я тут задавался вопросом: что такое истинный джентльмен? Отвечаю: это офицер Британского Королевского флота, хотя, конечно,

и среди них иногда попадаются исключения. Причина, мне кажется, в том, что широкие морские просторы, опасность и свежие ветры выдувают всяческую скверну из их душ, делая моряков настоящими людьми.

Но возвращаясь к своему рассказу: я и тут оказался прав. Действительно, этот человек был морским офицером.

Прослужив во флоте ее величества семнадцать лет, неожиданно и вопреки собственному желанию, в полном расцвете сил и способностей, он был переведен в резерв в чине капитана с ничтожным жалованьем. Вот что, увы, порой случается с людьми с безупречной репутацией, которые преданно служат королеве.

Фамилия джентльмена была Гуд, капитан Джон Гуд. Выглядел он довольно оригинально: темноволосый, лет тридцати пяти, коренастый, плотного телосложения, капитан был чрезвычайно опрятно одет, тщательно выбрит, вдобавок с моноклем в правом глазу. Казалось, этот монокль врос в его глазницу, так как носил он его без шнура и вынимал только затем, чтобы протереть. Как я узнал позже, Джон Гуд, ложась спать, клал монокль в карман брюк вместе с вставными челюстями, которых у него было целых два комплекта. Но не только в этом заключались его странности... хотя не стоит забегать вперед.

Близился вечер, и погода неожиданно начала портиться. Пронзительный холодный ветер задул с суши, спустился густой туман с изморосью, и все пассажиры вынуждены были покинуть палубу. Наше плоскодонное судно было недостаточно нагружено, и его сильно качало — пару раз мне почудилось, что мы вот-вот перевернемся, но, к счастью, Бог нас миловал. Уйдя с палубы, я стоял у машинного отделения, где было гораздо теплее, и развлекался тем, что поглядывал на кренометр, висевший на переборке. Стрелка его не спеша раскачивалась, отмечая угол наклона парохода, переваливавшегося с волны на волну.

— Ну и неучи! Кренометр не выверен... — раздался рядом со мной чей-то раздраженный голос.

Обернувшись, я увидел джентльмена, на которого еще раньше обратил внимание, угадав в нем морского офицера.

— Почему вы так считаете? — вежливо поинтересовался я.

— Тут и считать нечего! — нахмурившись, ответил джентльмен, когда наш пароход снова восстановил равновесие после очередного шквала. — Если бы судно действительно накренилось до того градуса, который показывает эта штукавина, мы бы перевернулись. Однако чего еще ожидать от капитанов торгового флота!

Его слова прервал гонг, призывающий пассажиров к ужину, чему я очень обрадовался, потому что если офицер Британского флота начинает злословить по поводу других моряков, то слушать такое тяжело. Мы с капитаном Джоном Гудом спустились в кают-компанию и застали сэра Генри Куртиса уже за столом. Мистер Гуд уселся рядом с ним, я же занял место напротив. По чистой случайности мы заговорили об охоте. Капитан оживился: посыпались всевозможные вопросы, на которые я старался отвечать как можно полнее. Когда разговор перешел на слонов, в нашу сторону стали коситься другие пассажиры.

— Ну, господа, — воскликнул кто-то, — вам повезло: если вы хотите узнать все о слонах, то лишь мистер Квотермейн сможет полностью удовлетворить ваше любопытство!

Генри Куртис, все это время молча прислушивавшийся к нашему разговору, при этих словах вздрогнул.

— Простите меня, сэр, — негромко пробасил он, — вы и есть тот самый охотник Аллан Квотермейн?

Я утвердительно кивнул.

Великан больше ко мне не обращался, но я слышал, как он пробормотал себе под нос: «Какая удача!»

После ужина, когда мы покидали кают-компанию, сэр Генри предложил мне заглянуть к нему и выкурить трубку. Я принял приглашение и в сопровождении капитана Гуда спустился в его прекрасную просторную каюту, которая выходила на палубу и была просто образцом комфорта. Мы расположились на диване перед небольшим столиком красного дерева и закурили; хозяин каюты попросил стюарда зажечь лампу и подать бутылку виски.

— Мистер Квотермейн, — обратился ко мне сэр Генри, когда его распоряжение было выполнено и стюард удалился, бесшумно прикрыв двери, — в позапрошлом году примерно в это же время вы, если я не

ошибаюсь, находились в поселке Бамангвато, который расположен к северу от Трансвааля.

— Да, — ответил я, несколько удивленный тем, что малознакомый джентльмен так хорошо осведомлен о моих скитаниях, которые, как я полагал, особого интереса для него представлять не могли.

— Вы там торговали? — с живостью вмешался капитан.

— Естественно. Привез фургон товара и оставался в поселке, пока не распродал все подчистую.

Сэр Генри встал, взволнованно прошелся по каюте, а затем опустился в плетеное кресло напротив и уставился мне прямо в лицо своими пронизательными серыми глазами.

— Не приходилось ли вам встречать там человека по фамилии Невилль? — наконец отрывисто спросил он.

— Было такое дело, — ответил я. — Он со своей упряжкой расположился рядом с моим фургоном и прожил там две недели, чтобы дать отдохнуть быкам перед тем, как отправиться дальше вглубь страны. А несколько месяцев назад я получил письмо от стряпчего — не помню его имени, к сожалению, — который просил сообщить, не известно ли мне, что случилось с Невиллем. Я сразу же написал ему обо всем, что знал.

— Он переслал мне ваше письмо, — сказал сэр Генри. — Вы сообщали, что господин Невилль уехал из Бамангвато в начале мая в фургоне вместе с проводником по имени Джим — он же погонщик быков и охотник. Невилль хотел добраться, если удастся, до Айнайти, самого отдаленного торгового пункта на территории матабеле. Вы также писали, что он действительно продал свою собственность, потому что полгода спустя увидели его фургон у знакомого торговца. Португалец рассказал вам, что приобрел фургон в Айнайти у джентльмена, имени которого он не знает, однако слышал, что этот белый со слугой-туземцем отправились на охоту.

— Совершенно верно, — подтвердил я.

Наступило молчание.

— Мистер Квотермейн! — неожиданно энергично воскликнул сэр Генри. — Вы и в самом деле не догадываетесь о том, каковы были причины, заставившие моего... мистера Невилля предпринять такое опасное путешествие на север?

— Кое-что я об этом слышал, — неохотно ответил я и умолк. Мне не хотелось распространяться на эту тему.

Куртис и Гуд переглянулись, и капитан утвердительно кивнул.

— Мистер Квотермейн, — сказал сэр Генри, — я хочу рассказать вам одну историю и попросить вашего совета, а возможно, и помощи. Я уверен, что вполне могу положиться на вас. По словам моего поверенного, вас хорошо знают в Натале, где вы пользуетесь всеобщим уважением. Кроме того, я надеюсь, что вы умеете хранить тайны.

Мне было неловко слышать столь лестные отзывы о себе. Я смущенно пригубил виски, а затем поклонился в знак того, что я весь внимание.

— Для начала вы должны знать правду: мистер Невилль — мой родной брат...

Только теперь мне стало ясно, кого же напомнил мне сэр Генри, когда я впервые увидел его на палубе. Невилль был поменьше ростом, с темной бородой, но глаза у него были такие же пронизательные и такого же оттенка, как у сэра Генри, да и в чертах лица проступало явное сходство.

— ...Мой младший и единственный брат Джордж, — продолжал Куртис. — Мы расстались с ним лет пять назад, причем впервые в жизни: до того я не помню, чтобы мы разлучались даже на несколько дней. У нас вышла жестокая ссора, и я поступил с ним несправедливо... Дело в том, что именно тогда внезапно скончался наш отец, не оставив завещания. Я полагаю, вам известно, что при таких обстоятельствах все недвижимое имущество переходит к старшему сыну. В результате Джордж остался без гроша, не имея при этом никакой профессии. Безусловно, мой долг состоял в том, чтобы обеспечить его, но к тому времени наши отношения настолько обострились, что, к моему глубокому стыду, — тут сэр Генри горестно вздохнул, — я даже пальцем не пошевелил, чтобы сделать это. Не то чтобы я мстил брату, нет... просто я ждал, чтобы он сделал первый шаг к примирению, а он не был к этому готов. Простите, что занимаю ваше внимание своими семейными делами, но думаю, что вам должны быть известны все детали. Верно, Джон?

— Разумеется, — кивнул капитан. — Мне кажется, мистер Квотермейн понимает, о чем идет речь, и не станет посвящать в эти

вопросы кого попало.

— Вы вполне можете доверять мне.

— Я знал, что у брата на текущем счету всего несколько сот фунтов стерлингов. Мы давно прекратили с ним всякие контакты, и вот он, не сказав никому ни слова, взял эту ничтожную сумму и под вымышленным именем отправился в Южную Африку, причем с безумной идеей разбогатеть. Все это стало мне известно несколько позже. Так прошло около трех лет. Я не имел никаких известий о Джордже, хотя писал ему несколько раз. Не исключая, что письма до него не доходили. Я начал все сильнее тревожиться... Знаете ли, мистер Квотермейн, я готов отдать половину своего состояния, чтобы только узнать, жив ли Джордж и сможем ли мы когда-нибудь увидеться с ним! Это моя кровь, я обязан вернуть его домой!.. Я использовал все средства, чтобы отыскать брата, и в результате у меня в руках оказалось ваше письмо. Содержавшиеся в нем подробности показали мне утешительными, так как они вселяли некоторую надежду. Но на этом след оборвался, и никаких других сведений о брате мне не удастся получить... Короче говоря, я намерен заняться его поисками сам, а мистер Джон Гуд любезно согласился меня сопровождать.

— Дело в том, — с саркастической усмешкой заметил капитан, — что делать мне все равно нечего. Адмиралтейство попросту выставило меня с флота... А теперь, сэр, может быть, вы расскажете нам все, что знаете или слышали о джентльмене, назвавшемся Невиллем?

Глава 2

История копей царя Соломона

Набивая трубку табаком, я медлил с ответом.

— Не доходили ли до вас слухи о дальнейшем маршруте моего брата? — Генри Куртис смотрел на меня с надеждой.

— Да, кое-что я слышал, — неохотно проговорил я, — и ни одна живая душа, кроме меня, и того, кто мне об этом сообщил, больше ничего не знает. Мне стало известно, что он направляется к копиям царя Соломона.

— Где же они находятся? — вскричали оба моих собеседника.

— А вот на этот вопрос не могу вам ответить, — сдержанно произнес я. — Ходят какие-то слухи, да и то смутные. Правда, я однажды видел издали вершины тех гор, за которыми, как говорят, находятся Соломоновы копи, но перед ними на сто тридцать миль простирается безжизненная пустыня. Никому из белых людей, за исключением одного, никогда не удавалось пересечь это мертвое пространство... А теперь я скажу несколько слов о самих копиях царя Соломона. Но прежде попрошу вас дать слово, что ничего из услышанного вы не станете разглашать без моего ведома.

— Разумеется, — нетерпеливо перебил меня капитан Гуд, а сэр Генри лишь утвердительно кивнул.

— Итак, — начал я свой рассказ, — вы должны знать, что охотники на слонов — это грубые, неотесанные мужланы, которых по обыкновению ничего не интересует, кроме житейских дел, выручки да местных обычаев, с какими волей-неволей приходится считаться. Однако изредка среди них можно встретить чудака, который собирает туземные предания и пытается восстановить хоть малую часть истории этой таинственной страны. Как раз от такого человека я впервые услышал легенду о Соломоновых копиях.

Было это почти тридцать лет назад, во время моей первой охоты на слонов в Земле Матабеле. Звали этого чудака Ивенс. На следующий

год бедняга погиб — был убит раненым буйволом и похоронен вблизи водопадов на Замбези. Помнится, на одной из ночевок я рассказал Ивенсу о необычных горных разработках, расположенных в той местности, которая теперь называется Лиденбургским районом Трансвааля. Я случайно натолкнулся на них во время одной охоты. В сплошных скалах была проложена широкая проезжая дорога, ведущая ко входу в пустую шахту, которую, судя по всем имеющимся признакам, рабочим — кто бы они ни были — пришлось спешно покинуть. На расстоянии двадцати шагов в глубине туннеля, уходящего в скалу, располагалась поперечная галерея, с отменным мастерством облицованная камнем, а внутри лежали груды золотоносного кварца, приготовленного для дробления.

«Ну-ну! — усмехнулся Ивенс. — А я поведаю тебе нечто еще более удивительное! Слышал ли ты когда-нибудь, дружище, о так называемых Сулеймановых горах, которые тянутся к северо-западу от Земли Машукулумбве? Нет?.. Так вот, я случайно набрел в тех краях на развалины древнего города... А ведь именно там находились алмазные копи, принадлежавшие царю Соломону...» — «Почему ты так думаешь?» — спросил я. «Одна старуха в Земле Маника упрямо твердила мне об этом. Она говорила, что люди, обитающие за этими горами, — особая ветвь народа зулу. Наречие у них общее с зулусами, но они красивее и выше ростом. Среди них имелись великие маги и колдуны, и им была известна тайна чудесной копи, где добывают сверкающие камни... Кто такой, по-твоему, Сулейман, если не царь Соломон?..»

Лет двадцать я и не вспоминал об этом рассказе. Но спустя годы — а охота на слонов, господа, ремесло опасное, и редко кому из охотников удастся прожить столь долго — я услышал нечто более определенное о Сулеймановых горах и о стране, лежащей за ними. Так вышло, что я застрял в поселке под названием Крааль Ситанди, расположенном за пределами Земли Маника. Скверное это было местечко: ни еды, ни дичи. У меня случился приступ лихорадки, и чувствовал я себя хуже некуда. Как раз в это время в поселок прибыл португалец, которого сопровождал только один слуга-метис. Этот человек разительно отличался от тех злобных и хитрых португальских торговцев, с которыми я привык сталкиваться. Высокий, худощавый,

с темными глазами и волнистыми седыми усами, этот мужчина был вежливым, спокойным и отзывчивым. Мы скоротали вечерок вдвоем — он мог объясняться на ломаном английском, а я кое-что понимал по-испански. Звали португальца Хозе Сильвестр, он владел участком земли около залива Делагоа. На следующее утро, перед самым отъездом, сеньор Хозе пришел проститься со мной и, приподняв шляпу на старомодный манер, проговорил:

«Прощайте, мистер Квотермейн! Если нам и суждено когда-либо встретиться снова, то к тому времени я уже буду самым богатым человеком на земле. И тогда я не забуду о вас!»

Эта самонадеянность меня немного развеселила, хоть я и был еще слишком слаб даже для того, чтобы улыбнуться. Португалец добавил, что направляется на запад, к великой пустыне, и я подумал: «Вот так сумасшедший! Что же он там рассчитывает найти?»

Через неделю я был почти здоров.

Однажды вечером, расположившись перед брезентовой палаткой, которую обычно возил с собой, я обгладывал остов тощей птицы, купленной мною у туземца за кусок ткани баснословной цены. Передо мной простиралась бескрайная пустыня, у самого горизонта багровело раскаленное солнце. Неожиданно на склоне ближайшего холма я заметил движущуюся фигуру. Присмотревшись, я понял, что это мужчина, и, судя по всему, одет он был по-европейски. Поначалу он полз на четвереньках, затем поднялся и, шатаясь, прошел несколько ярдов, после чего вновь упал и продолжил ползти. Поняв, что с незнакомцем творится неладное, я отправил ему на помощь одного из моих охотников. И кто бы, вы думаете, это был?

— Хозе Сильвестр! — воскликнул капитан Гуд.

— Именно. Вернее, его скелет, обтянутый пергаментной кожей. От лихорадки лицо португальца было темно-желтого цвета, а глаза, казалось, вылезли из черепа — так он исхудал. Сеньор Хозе был без шляпы, его всклокоченные волосы, прежде темные и густые, совершенно поседели.

«Пить...» — прохрипел он потрескавшимися губами, еле ворочая черным распухшим языком.

Ему дали воды, разбавленной молоком; бедняга набросился на нее и выпил не меньше двух кварт за раз. Тут мне пришлось его

остановить. Затем у него начался приступ лихорадки, и он свалился. Хозе Сильвестр бредил о горах Сулеймана, об алмазах и проклятой пустыне. Я уложил его у себя в палатке и постарался облегчить страдания португальца, насколько это было возможно. Ближе к полуночи больной немного затих, а я прилег отдохнуть и уснул. Едва рассвело, я открыл глаза и в полумраке палатки увидел его тощую, словно изломанную фигуру. Хозе Сильвестр сидел на койке и пристально смотрел в сторону пустыни. На широкую равнину упал первый солнечный луч, окрасив розовым цветом вершину одного из самых высоких пиков гор Сулеймана, высившихся на расстоянии более сотни миль от нас.

«Вот она! — воскликнул португалец. Его вытянутая вперед рука дрогнула. — Но мне уже не добраться до вершины... И никто никогда туда не доберется! — Сеньор Хозе умолк, погружившись в размышления, а затем проговорил, обращаясь ко мне: — Друг мой, вы здесь? У меня темнеет в глазах...» — «Да, — сказал я. — Я рядом с вами. А теперь прилягте и отдохните...» — «Зачем? — слабо отозвался он. — Впереди у меня целая вечность для отдыха. Мне известно, что я умираю, а вы были так добры ко мне... Я оставлю вам один документ. Быть может, когда-нибудь вы доберетесь туда, если выдержите адский переход по пустыне, которая погубила и меня, и моего бедного слугу...»

Дрожащими пальцами Хозе Сильвестр вынул из-за пазухи предмет вроде бурского кисета для табака, изготовленного из кожи саблерогой антилопы и крепко перетянутого тонким кожаным ремешком. Он попытался справиться с узлом, но не смог и передал кисет мне. «Развяжите...» — прошептал умирающий. Я тут же выполнил его просьбу и вынул оттуда обрывок пожелтевшего полотна, исписанный ржавыми буквами; внутри находилась еще и бумага. Сеньор Хозе тихо проговорил: «На бумаге моей рукой написано то же, что и на обрывке ткани. Я потратил многие годы, чтобы все это расшифровать... — Силы его были на исходе, и он, задыхаясь, торопливо продолжал: — Слушайте же! Мой предок, политический эмигрант из Лиссабона, был одним из первых португальцев, высадившихся на этой земле. Он написал этот документ кровью, когда погибал в горах, куда ни до, ни после него не ступала нога белого человека. Это случилось триста лет

назад, и звали его Хозе да Сильвестра. Раб, который поджидал моего предка по эту сторону гор, отыскал его труп и доставил этот клочок ткани в Делагоа. С тех пор послание хранилось в нашей семье, но никто даже не пытался что-либо разобрать, пока оно не попало ко мне в руки. Я сумел понять написанное, и, как видите, за эту тайну мне придется расплатиться жизнью... Только не отдавайте это никому, отправляйтесь туда сами, и вы станете самым богатым человеком в мире...»

После этих слов он рухнул навзничь, начал бредить, и час спустя все было кончено.

Мир его праху! Мой случайный знакомец умер спокойно, я похоронил его и положил на могилу большие валуны, чтобы никто не осмелился побеспокоить его. Затем я покинул поселок.

— А документ? — Оба моих слушателя с жадным интересом уставились на меня. — О чем в нем говорится?

— Терпение, господа... Я никогда никому его не показывал, а старый пьяный португальский торговец, с которым мы разбирали то, что написал покойный Хозе Сильвестр на бумаге, начисто все забыл уже на следующее утро. Послание на холсте и бумага на португальском находятся у меня дома, в Дурбане. Однако в моей записной книжке имеется английский перевод и копия карты, если ее вообще можно назвать картой. — Я вынул из кармана блокнот. — Вот что значилось на обрывке холста:

«Я, Хозе да Сильвестра, умирая от голода в тесной пещере на голом северном склоне вершины ближайшей к югу горы, одной из двух, которые я назвал Груды Царицы Савской, пишу это собственной кровью обломком кости на клочке моей одежды в год 1590-й. Если мой раб доберется сюда, найдет эту записку и принесет ее в Делагоа, пусть друг (имя неразборчиво) даст знать королю о том, что здесь изложено, чтобы его величество мог послать сюда армию. Он станет богатейшим королем в мире. Его армия должна преодолеть пустыню и горы, победить свирепых кукуанов и их дьявольское колдовство, для чего следует взять с собой надежных и бесстрашных священнослужителей. Я видел собственными глазами несметное число алмазов в сокровищнице Соломона. Но из-за вероломства

*Гагулы, охотницы за колдунами, я ничего не смог унести и едва спас
свою жизнь.*

Пусть тот, кто отправится туда, придерживается указаний карты, а затем взойдет по снегам левой Груды Царицы Савской, пока не доберется до самой вершины. На северном склоне начинается Великая Дорога, проложенная Соломоном, по которой три дня пути до его царских владений. Первым делом надо убить Гагулу. Молитесь о моей душе. Прощайте. Хозе да Сильвестра».

Когда я окончил чтение и показал копию карты, в каюте воцарилась глубокая тишина.

— Поразительно, — наконец проговорил Джон Гуд, — я дважды объехал вокруг света и где только ни побывал, но пусть меня повесят на рее, если мне когда-либо приходилось слышать подобную историю.

— Да, все это странно и удивительно, — задумчиво произнес Генри Куртис. — Надеюсь, вы не разыгрываете нас, мистер Квотермейн? Иной раз старожилы подшучивают над новичками.

— Если вы так полагаете, сэр Генри, тогда лучше сразу покончим с этим. — Я сунул записную книжку в карман и поднялся, чтобы уйти. — Мне не по душе, когда меня принимают за человека, который лжет и хвастает перед приезжими своими якобы необычайными охотничьими приключениями.

Куртис тоже встал и с виноватым видом сказал, опустив свою большую руку мне на плечо:

— Простите великодушно, мистер Квотермейн. Мы не хотели вас оскорбить, просто ваш рассказ уж слишком необычен... Мир?

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ